

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 82:801.6; 82-1/-9; 82-93; 087.5
DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-211-217

ОТНОШЕНИЕ К ЛЮБВИ КАК СПОСОБ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОВЕСТИ Г. ЩЕРБАКОВОЙ «ВАМ И НЕ СНИЛОСЬ»

К. В. Тырышкина, Е. А. Полева

Томский государственный педагогический университет, Томск

Своеобразие авторской трактовки темы любви в «школьной повести» Г. Щербаковой «Вам и не снилось» выявляется через исследование организации сюжета, системы и образов персонажей, повествования, аллюзий. Анализ персониферы повести позволил выделить типы персонажей в зависимости от их понимания и отношения к любви: прагматики и романтики, жертвующие и эгоистично требующие взаимности; разочарованные и верящие в живительную силу этого чувства. Семантика любви раскрывается в диалогах персонажей и включает следующие значения: болезнь, причиняющая боль, разрушающая веру во взаимность и самого себя; огонь, привлекающий и уничтожающий людей (Костя, Зоя); эпидемия / сумасшествие / стихийное бедствие, торжество природно-биологического над социальным (директор школы); проявление социально-биологической потребности людей не быть одинокими (Вера, Миша); дар, смысл существования (Татьяна, Ромка, Юлька); высокое чувство, но и каждодневный труд, приносящий радость единения с другим (Людмила). Исходя из ситуации (взаимность / не взаимность чувства) и своего понимания любви, персонажи демонстрируют разные модели поведения (завоевания, жертвенности, взаимной поддержки друг друга и т. д.).

Ключевые слова: подростковая литература второй половины XX века, Г. Щербакова, школьная повесть, тема любви.

Имена центральных героев (Ромка и Юлька) и фабульная ситуация повести «Вам и не снилось» Г. Щербаковой (отстаивание подростками своего права на любовь) явно отсылают к шекспировской пьесе «Ромео и Джульетта», что изначально задает круг проблем, поднимаемых автором.

«Вам и не снилось» – популярная в прошлом, во многом благодаря экранизации, и читаемая современными подростками повесть, но она малоизучена. В единичных работах о ней отмечается шекспировский интертекст и значимость темы любви [1–3]. При этом игнорируются (или только упоминаются без анализа) отсылки к классической русской литературе; исследователи сосредотачивают внимание на сюжетной линии Ромки и Юльки¹, мало уделяя внимания полифонической структуре повествования: в диалог, а подчас и спор о любви

включены практически все, даже эпизодические, персонажи повести. Любовь определяет не только тематическое, но и идейное своеобразие повести.

Экспозицией сюжетных событий является поход учительницы литературы Татьяны Николаевны десятым классом на спектакль «Вестсайдская история», созданный по мотивам трагедии У. Шекспира². Для подростков, заканчивающих школу, тема любви актуальна в силу возрастных особенностей, поэтому их очень интересует «правда о Шекспире». Два одноклассника высказывают популярные мнения. Сашка считает: «Чистой, отделенной от мира любви нет и не может быть. <...> Без примесей только секс» [5, с. 15]. Ромка же («книжный мальчик», по определению учительницы) выражает веру в существование возвышенного, всеобъемлющего, «без примесей» чувства: «Любовь

¹ А. Бондарева утверждает, что повесть строится на романтическом сюжете и трагическом финале, которые и обеспечили ей популярность [1]. Е. А. Жиндеева, Е. А. Николаева, А. Ю. Громова исследовали концепт любви во всем творчестве писательницы и пришли к выводу, что любовь для Г. Щербаковой является нравственной константой [2]. Автор переносит известный сюжет в современную действительность и тем самым доказывает чистоту и стойкость вечной любви. К подобным выводам пришла и О. Н. Дегтярева, делающая акцент на мотиве воспитания чувств в повести [3].

² Вначале в мюзикле Леонарда Бернштейна, а затем фильме режиссера Роберта Уайза и хореографа Джерома Роббинса «вольно и в соответствии с законами музыкально-танцевальной драматургии переосмыслен сюжет „Ромео и Джульетты“, который помещен в современный контекст Нью-Йорка...» [4].

сама по себе целый мир. Должна быть такой, во всяком случае» [5, с. 15]. Уже в экспозиции задается авторская стратегия – сопоставлять разное понимание любви. Апелляция персонажей к литературным сюжетам и образам – прием, позволяющий Г. Щербаковой подняться над сюжетно-фабульной конкретикой, выйти в осмыслении любви на фило-софско-культурологический уровень.

Ромке дается возможность проверить свои убеждения жизнью, собственным опытом: он полюбил дочь Людмилы – женщины, в которую безответно на протяжении многих лет был влюблен его отец. Обе семьи (современные Монтекки и Капулетти) против союза подростков. Г. Щербакова переносит сюжет трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта» в современность, чтобы ответить на вопрос: возможен ли благополучный исход ‘печальной повести’; способны ли возлюбленные сохранить чистоту чувства или оно иссякнет, столкнувшись с бытовыми проблемами?

Самоопределение подростков происходит в процессе преодоления препятствий, чинимых окружающими, имеющими иное понимание любви. А отношение к любви, показывает автор, формируется в соответствии ценностями, идеалами и собственным жизненным опытом.

Большинство персонажей повести имеют опыт несчастной/нереализованной/безответной любви. Учительнице литературы Татьяне Николаевне удается построить собственные отношения из-за несовпадения представлений о любви у нее и ее «друга» Миши. Образ Тани³ отсылает к героине романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» Татьяне Лариной [6]. Школьная учительница, как и ее литературный прототип, черпает свои идеалы из литературы, полагает, что любовь поднимает человека над обыденностью. Таня выделяет любовь в качестве центрального и ценностно значимого содержания всей художественной словесности: «...она делала торопливые заметки, радуясь ощущению откровения: как это ей, тупице, раньше не пришло в голову, что все ее уроки о любви? Она им покажет „примеси в виде лесоповала“. Ах, боже мой! Как им много надо объяснить...» [5, с. 25]. Отсылка к пушкинской героине позволяет Г. Щербаковой акцентировать проблему несоответствия реальности и идеала. Приоритет последнего может быть чреват личностной нереализованностью и одиночеством. Татьяна в «Евгении Онегине» не утрачивает любовь после отказа возлюбленного принять и разделить ее чувство, но она подчиняется правилам социальной жизни – ее выдают замуж за другого. Невозможность соединения с любимым по-

сле его ответного (запоздалого) признания обусловлена ценностной иерархией в сознании героини: долг перед супругом и собственная честь важнее реализации в любви, тем более что после замужества связь с Онегиным не могла быть честной и открытой. Любовь к Евгению остается нерастроченной [6].

У Г. Щербаковой Татьяна не встречает кого-то, подобного Онегину. Образ ее друга Миши восходит к чеховским персонажам-врачам, прагматично воспринимающим отношения с женщиной. Он рассуждает: «Эта атавистическая манера следовать сердцу... скажи, к чему это приводит, кроме неприятностей? Импульсы, рефлекс, порывы... Красная цена всему – пятак. Ну, и не отрицаю, не отрицаю влечение. Например, я к тебе влекусь... Но хорош бы я был, если бы не контролировал себя логикой, здравым смыслом» [5, с. 142]. Миша характеризует любовь как пережиток прошлого, не востребованный в современном мире, приравнивает ее к потребности человека продолжить род или удовлетворить физиологические потребности.

Татьяна не может длить отношения с человеком, не признающим любви как проявления духовной жизни. Это обуславливает не только одинокое существование, но и чувство вины перед мамой, которая завещала дочери: «Вся надежда на тебя, Танюша. Чтоб ты жила взахлеб за нас троих...» [5, с. 17]. Несмотря на то, что мама Тани построила семью, все свои силы она отдавала профессии, общественной жизни: «Мое счастье было в работе» [5, с. 9]. Перед смертью она переосмыслила прошлое и поняла, что, почти не уделяя времени мужу и дочери, пропустила главное в жизни, можно сказать – саму жизнь. Однако Таня осознает, что не выполнила просьбу матери, «не оправдала ее надежд»: «В сущности, у нее, как и у мамы, в жизни есть только одно – работа» [5, с. 17].

Рассуждая о своей судьбе, Татьяна приходит к выводу: первое ответное чувство – самое подлинное, которому нужно довериться, вопреки расхожему мнению о том, что юношеская любовь не настоящая, так как не прошла проверку временем: «Надо было выйти замуж в семнадцать лет за того мальчика, который катал меня на велосипеде»; «И мне хотелось умереть на велосипеде – такое это было счастье» [5, с. 102]. Так актуализируется вопрос: почему для людей важнее социальные условия, а не собственные чувства? Любовь как проявление счастья нужно просто проживать, а не анализировать, не оценивать «за» и «против». На это способны подростки, не отягощенные негативным (травмирующим) опытом. Татьяна понимает, что

³ Еще один значимый интертекст повести – упоминаемая в разговоре Татьяны Николаевны с актрисой, бывшей коллегой пьеса А. Арбузова «Таня», для центральной героини которой любовь была высшей ценностью [7].

опосредованность поступков идеями, социальными условностями лишает жизнь человека легкости, мешает взаимности: «А с Мишей все ушло в слова. В термины. В выяснение сути. Суть чего? Когда тебе за тридцать, кто тебя посадит на велосипед?» [5, с. 102]. Поиск своей второй половины опосредует судьбу, которая, оказывается, зависит и от случая, и от личного выбора человека. Г. Щербакова ставит целый ряд вопросов, раскрывая сложность самоопределения: что делать, если на пути не встречается достойный внимания человек – идти на компромисс, поступаться своими убеждениями или сохранить верность себе, но быть несчастным, одиноким; как понять, что выбор не ошибочен?

Татьяна, пережив разочарование в избраннике, не перестала верить в любовь, мало того, она считает своей учительской миссией – убедить подростков в ценности чистой, внепрагматичной любви. Поэтому Татьяна Николаевна поддерживает выбор Ромки и Юльки, думает, что, помогая им, она дает им шанс не повторить собственной ошибки.

Еще один вариант нереализованности в любви воплощен в сюжетной линии Кости – папы главного героя. Семантика имени Константин («стойкий, постоянный») соответствует характеру персонажа. Безответно влюбившись в маму Юльки Людмилу еще в молодости, он долгие годы надеялся на взаимность. Когда Людмила рассталась с мужем, «он побежал к ней, потому что вдруг отчаянно на что-то понадеялся» [5, с. 47], несмотря на то, что у Кости тогда уже были жена и пятимесячный сын; он «жил какой-то нелепой, противоестественной надеждой на то, что Людмила его примет, что он ей будет все-таки нужен» [5, с. 47]. Повествователь подчеркивает нелепость ожиданий, неразумность поведения Кости. Неразделенная любовь, с одной стороны, ставит человека в унижительное положение (в итоге Костя испытывает стыд), а с другой – все же дает силы, становится смыслом существования: случайно увидев Людмилу на улице, он «в три прыжка преодолел разделяющий две бетонные дорожки газон» [5, с. 42], тогда как «дома держась за стеночку ходил» [5, с. 44].

Осознание того, что его попытки добиться возлюбленной всегда будут безуспешными, пришло, когда он в очередной раз звонил Людмиле. Трубку взял ее муж и «лениво так спросил: “Слушайте, какого черта?”» [5, с. 46]. Тогда Костя понял: «Потому что “люблю” никакой не ответ, если тебя не просто не любят, а терпеть не могут. Приставать в таком случае действительно нехорошо, если есть или совесть, или гордость» [5, с. 48]. Вновь, уже в связи с образом Кости, Г. Щербакова ставит вопрос о выборе: сохранить верность своей любви вопреки обстоятельствам или отказаться от притязаний?

Решение приходит из-за, казалось бы, пустякового разговора с мужем Людмилы. Уверенный, без ревности («ленивый») ответ счастливого соперника убеждает в тщетности собственных усилий. Тогда «Косте стало стыдно, мучительно закололо, заныло во всех суставах, захотелось жалости и внимания» [5, с. 48]. Душевная боль от неразделенной любви, от своего бессилия трансформировалась в физическое состояние болезни: «Он вдруг осознал свои хворобы – радикулит, гипертонию, артрит и ларингит – не только как скопище неприятностей, мешающих жить и осложняющих отношения с начальством, а как некую единую Болезнь, которая требовала к себе уважения и почтения» [5, с. 107]. На место любви к другому пришла губящая, отнимающая желание полноценно жить, жалость к себе. Эмоциональная привязанность к Людмиле давала ощущение наполненности, осмысленности существования, иллюзорная вера во взаимность создавала параллельную реальность внутренней жизни. Способом компенсации недостатка любви стала концентрация на собственной болезни. Болезнь позволила быть слабым, избавила от необходимости развиваться, отстранила от бытовых проблем: «Все встало на места. Есть он. Но есть и Болезнь. И он полюбил свою Болезнь больше себя, больше Веры, больше сына...» (курсив мой. – К. Т.) [5, с. 107]. Так Костя нашел альтернативный способ побега от реальности; он максимально снизил социальную активность, сосредоточившись на своей болезни.

Иные сематические взаимосвязи между любовью и болезнью прослеживаются в позиции Зои, соседки Юли. Зоя воспринимает любовь как сумасшествие, опасность, травму, болезнь: «Любовь, любовь... Ха! Сколько вокруг обожженных ею, казалось бы, сообрази и остерегись, а все равно летят на огонь как сумасшедшие. <...> Пусть летят... Она больше не полетит...» [5, с. 86]. Любовь, в ее интерпретации, – не согревающий, а больно обжигающий, уничтожающий, приносящий страдания, гибель огонь. Любовь подавляет способность думать, отключает защитные механизмы человека («...казалось бы, сообрази и остерегись»). Зоя уверяет, что это чувство, как эпидемия («как корь, болеет каждый» [5, с. 92]), не щадит никого, поражая всех, вне зависимости от возраста, социальной принадлежности: «Девочки и мальчики... Комсомолки и комсомольцы... Рабочие, студенты и колхозники... Дураки и дурочки» [5, с. 86]. Ассоциация любви с корью семантически значима. Корь – вирусное заболевание, которым чаще всего болеют дети, причем после выздоровления в организме вырабатывается иммунитет, исключая возможность рецидива. И Зоя уверена, что опасным является именно первый опыт любви; ей кажется,

что «переболев», она обрела свободу, гарантированную защиту от боли. Пережив разочарование, Зоя решила, что больше не будет любить, предпочитая теперь легкие кратковременные увлечения, ведь жизнь без любви – это жизнь без страданий.

Точка зрения Зои своеобразно пересекается с позициями трех персонажей-прагматиков – директрисы школы Марии Алексеевны, друга Тани Миши и мамы Романа Веры Лавочкиной.

На вопрос Татьяны Николаевны, чего она боится, директриса школы отвечает: «Любовей, милочка! Любовей! Я же не господь бог, я прекрасно понимаю, что это та сфера, в которой я бессильна. <...> Они делаются дикими, неуправляемыми, они знать ничего не хотят. Смотришь – и уже эпидемия, пандемия. Все дикие. Все неуправляемые. Возраст? Возраст. Но если есть какая-то возможность сохранять аскетизм – я за это... Все в свое время, когда созреют души... А души в школе еще зеленые...» [5, с. 98]. Мария Алексеевна считает своим долгом контролировать жизнь школьников, направлять их в русло постижения знаний, а не своих чувств. Любовь, в ее понимании, страшна неуправляемостью. Как и для Миши, для директрисы торжество эмоций над разумом – свидетельство неразвитости личности (дети еще «зеленые», души у них незрелые); поддаться чувствам – дикость. Мария Алексеевна упоминает Бога, вроде бы соотнося любовь с духовным, данным свыше, но контекст, в котором употреблена фраза («я же не господь бог»), актуализирует иную семантику – собственного бессилия. Кроме того, любовь противопоставляется аскетизму, то есть ассоциируется с распущенностью.

Директриса противопоставляет себя как мудрого человека еще не сформировавшимся подросткам, но история Юльки и Ромки доказывает ограниченность ее мировоззрения.

Наконец, любовь сравнивается ею, как и Зоей, с эпидемией, но акцент смещается на масштабность бедствия: пандемия – распространение вирусного заболевания во всей стране или даже нескольких странах. Любовь – это то, что лишает разума, рушит планы, делает жизнь спонтанной, неуправляемой, а значит то, что дает сбой работы системы. Директриса, ставя общественное выше индивидуального, не видит, что, разлучив влюбленных, она меняет траекторию их судьбы и, возможно, разрушает счастье. Поэтому Мария Алексеевна поддерживает решение Веры, мамы Романа, верящей, что перевод сына в другую школу приведет к охлаждению его чувства к Юле: «Пришла Лавочкина и попросила документы по этой причине. Я сказала: “Ради бога! Понимаю и разделяю...”» [5, с. 98].

Поведение Веры также объясняется ее представлениями о любви. Она приземленно понимает

это чувство, соотнося его с привязанностью, физической близостью, прагматикой семейной жизни (совместным бытом) и функцией продолжения рода: «...Вера свято верила, что все любви, которые не кончаются физической близостью, – дым, химера. То есть, конечно, есть близость без любви, но это разврат, блуд, неприличие. Но если будто бы любишь, но спокойно без этого обходишься – тоже ерунда» [5, с. 65]. Поэтому она не понимает, как муж мог испытывать к Людмиле любовь многие годы, когда между ними не было физической близости; она не может поверить и в романтически возвышенное чувство сына к Юльке, воспринимает ее как развратницу, соблазвившую Ромку. Сильная, неподдающаяся контролю любовь, которую сама она не испытала в жизни, пугает и возмущает Веру, разрушает ее «стройную, такую устойчивую концепцию» [5, с. 65], лишает ощущения защищенности, понятности существования. Место любви как высокого чувства в сознании Веры занимает служение близким. Причем эта, на первый взгляд, жертвенность (предполагающая бескорыстие) на самом деле, во-первых, является способом самореализации, доказательства себе и другим своей внутренней силы, во-вторых, поводом для манипулирования чувствами окружающих. Работая на благополучие семьи, она считает себя вправе требовать от сына послушания, признания ее правоты. Привязанность Ромки к без ее одобрения выбранной девочке больно ранит, воспринимается как измена, предательство, недооценка ее жертвы. Вера считает, что ее любовь к сыну дает ей право контролировать, менять его жизнь, исходя из своих, а не его представлений о карьере, семье, счастье.

В достойные сына кандидатки Вера выбирает его одноклассницу Алену Старцеву. Стремление посвятить всю свою жизнь заботе о безответно любимом сближает девочку с самой Верой, но больше – с ее мужем Костей. Алена пишет Роману: «Я готова для тебя на все, хоть сейчас. И я буду всю жизнь там, где ты. Я в институт поступлю в тот, где ты, хоть студенткой, хоть уборщицей. Так что можешь убежать, можешь не убежать – все равно» [5, с. 126]. Алена, как и Вера, уверена в себе, в своих силах: «Я стойкий человек и все вынесу» [5, с. 126]. Как и Костя, она готова и к жертвам, и к борьбе, однако ни то, ни другое не нужно объекту обожания. Судьба Кости, навязчивость которого привела к тому, что Людмила «возненавидела его», стала презирать, доказывает тупиковость такого пути. Правда жизни в том, что преданности и верности недостаточно, чтобы вызвать ответные чувства в другом человеке. Когда нет взаимности, все усилия напрасны, но никогда не нужно терять достоинства, потому что нелюбовь и неуважение к самому себе – деструктивны, лишают существование смысла.

Как показывает Г. Щербакова, вины Людмилы или Ромки в том, что они не могут ответить своим воздыхателям взаимностью, нет. Но выстраивая в повести галерею несчастных влюбленных и семейных пар, Г. Щербакова выражает мысль о ценности взаимной любви, которую нужно беречь как дар. Это свойственно маме Юльки Людмиле, которая счастлива, вопреки всем условностям: выгнала первого мужа, отца Юльки, когда узнала о его изменах, повторно вышла замуж – за человека, младше ее на десять лет.

Живя «в миру и среди людей», молодые влюбленные вынуждены самоопределяться, осмысливая опыт окружающих. Так, Юлька отвергает мнение Зои: «Юлька захлопнула дверь. Жгучий стыд покрыл лицо, шею, даже между лопатками загорелся. Господи, какая она ужасная, эта Зоя...» [5, с. 93]. Понимая причины, по которым Зоя сделала свой выбор больше никогда не любить, Юля четко осознает свою позицию: «Она не виновата, что у нее все плохо. Но ведь и я не виновата, что у меня все хорошо?» [5, с. 93]. Ромка, в свою очередь, не приемлет выбор отца, считая слабостью его покорение болезни. Он также не понимает стремление мамы запретить ему любить Юльку, ведь это бессмысленно – он не властен над своими чувствами.

Примером для Юльки стали отношения мамы с отчимом: «Она (мама) всегда как на свидании, а это, на взгляд Юльки, труднее, чем в отчаянии бунтуются на рельсы. Ведь мама – работающая женщина, и полы Юлька всего два года как моет... А то все она... мама. Вот что такое любовь...» [5, с. 35]. Для Людмилы, впоследствии и для Юльки, любовь – способ жить полной жизнью. Как понимает Юлька, самое тяжелое, но и самое важное – сохранить любовь в повседневности. Она противопоставляет маму центральной героине романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», убежденная, что настоящий подвиг – не в побеге от действительности, не в выборе смерти, а в каждодневном подерживании чувства к себе в своем любимом.

У Романа также возвышенное понимание любви соединяется с конкретными представлениями о семейной жизни. Молодые верят, что идеальные отношения возможны в реальности, мечтают о будущем. На восклицание Романа: «Ты работать не будешь, будешь воспитывать детей!» Юлька отвечает: «О! На это я согласна! У нас с тобой будет чистая-пречистая квартира, много детей и хорошая музыка...» [5, с. 104].

Проблема в том, что другие влияют на судьбу Ромки и Юльки не только опосредованно, через слова, мнения, но и прямо – своими действиями (или бездействием). И среди окружающих больше противников их счастья: Зоя убеждает Юльку, что их ждет разочарование; Вера пытается разлучить

подростков, считая выбор сына ошибочным; Алена не поддерживает их из-за чувства соперничества; Костя своей бездеятельностью приносит больше вреда, чем пользы. В конечном счете союзниками Ромки и Юльки становятся те, кто верит в любовь и соотносит ее с понятием «счастье», – Татьяна Николаевна и Людмила.

Таня проводит параллель между историей подростков и пьесой У. Шекспира, называя их Ромео и Джульеттой, а значит, осознает, каков может быть финал. Учительница чувствует свою ответственность за детей: «Это я во всем виновата. Я их так настроила» [5, с. 25], поэтому постоянно стремится помочь им, однако отказывается от активных действий, ощущая свою невовлеченность в ситуацию и признавая за детьми право самим принимать решения. Людмила же единственная, кто активно включается в судьбу подростков, поддерживает дочь, видя, что, переживая разлуку с Ромкой, она начала терять смысл существования, перестала учиться, замкнулась.

Любовь Юля по-юношески максималистски отождествляет с жизнью, а ее отсутствие – со смертью. Так же считает и Ромка, отчаянно выпрыгнувший из окна, когда понял, что родные (мама и бабушка) обманывали его, чтобы разлучить с Юлькой. В рассуждениях молодых героев есть противоречия: с одной стороны, они осуждают побег от трудностей и безрассудство, с другой – склонны к необдуманным поступкам, последствия которых могут быть необратимы. Так Г. Щербакова показывает, что каждый человек вынужден проходить свой путь и делать свой выбор; пример окружающих не ограждает от ошибок. С другой стороны, опыт других (не только близких, знакомых, но и героев книг, спектаклей, кино) дает варианты поведения, позволяет осознанно сформулировать свою позицию.

Размышляя о любви и показывая ее различные проявления, Г. Щербакова отказывается от назидательности и прямого формулирования своей позиции. Вместе с тем в портретных характеристиках персонажей проявляется ее сочувствие несчастным идеалистам и радость за тех, кому удалось прийти к гармонии. Автор воссоздает не только разные варианты переживания травмирующего опыта любви, но и пример гармоничных отношений, которому молодые влюбленные могут следовать.

Знаками авторского неприятия позиции персонажей-прагматиков можно считать разрушение их планов. Директриса Мария Алексеевна и Вера оспаривали право подростков на принятие самостоятельных решений, но выбор, сделанный за детей, не принес никому счастья, и взрослые не достигли своих целей.

Любовь, как показывает история Юльки и Ромки, не оторвана от окружающего мира, но и сама она – целый мир. На то, что эта истина проста, как дважды два – четыре, указывает эпизод с таблицей умножения, которую Ромка озвучил и записал Юльке, чтобы та слушала, когда они в разлуке. Так Г. Щербакова передает уверенность Ромки в своей любви: подлинность его чувства настолько же оче-

видна и истинна, как и таблица Пифагора. Делая финал повести открытым (неизвестно, выжил ли главный герой), автор подчеркивает, что любовь должна быть осмысленной; безрассудность может привести к плачевному результату. Ромке и Юльке посчастливилось испытать взаимные чувства, и это великий дар, который необходимо сохранять как самую большую ценность.

Список литературы

1. Бондарева А. От доброй породы до Яшкиного рода. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/6/b11.html> (дата обращения: 26.11.2017).
2. Жиндеева Е. А., Николаева Е. А., Громова А. Ю. Нравственные константы в изображении Г. Щербаковой: идейно-тематическое своеобразие // Вестник Челябинского гос. пед. ун-та. 2012. № 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye-konstanty-v-izobrazhenii-g-scherbakovoy-ideyno-tematicheskoe-svoeobrazie> (дата обращения: 26.11.2017).
3. Дегтярева О. Н. Мотив воспитания чувств в повестях Г. Н. Щербаковой: к вопросу об авторе-герое-читателе // Пушкинские чтения. 2013. № 18. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/motiv-vospitaniya-chuvstv-v-povestyah-g-n-scherbakovoy-k-voprosu-ob-avtore-geroe-chitatele> (дата обращения: 26.11.2017).
4. Вестсайдская история: статья в «Энциклопедии кино». URL: <http://www.km.ru/kino/encyclopedia/vestsidskaya-istoriya> (дата обращения: 26.11.2017).
5. Щербакова Г. Вам и не снилось. Повести и рассказы. М.: Эксмо, 2011. 176 с.
6. Пушкин А. С. Евгений Онегин. Томск, 1998. 382 с.
7. Арбузов А. Н. Тая, Жестокие игры: пьесы [Вступ. ст. И. Монисовой]. М.: Детская литература, 2001. 168 [1] с.

Тырышкина Ксения Валерьевна, студентка, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: velikaya_ksenia@mail.ru

Полева Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061). E-mail: polevaeva@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 27.12.2017.

DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-211-217

ATTITUDES TO LOVE AS A METHOD OF CHARACTERISTICS OF CHARACTERS IN THE STORY OF G. SHCHERBAKOVA «YOU WOULD NOT EVEN DREAM»

K. V. Tyryshkina, E. A. Poleva

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

The theme of love is analyzed in G. Shcherbakova's school narrative «You would not even dream». The peculiarity of the author's interpretation of love is revealed through the analysis of the organization of the plot, the system and images of characters, narration, allusions. The analysis of the personosphere of the story allowed to distinguish the types of characters, depending on their understanding and attitude to love: pragmatists and romantics who sacrifice and selfishly demand reciprocity; disappointed and believing in the life-giving power of love. The semantics of love is revealed in character dialogs and includes such meanings as a disease that causes pain, destroying belief in reciprocity and into yourself, the fire that attracts and destroys people (Kostya, Zoya); epidemic / madness / natural disaster, the triumph of the natural-biological over the social (the school director), the manifestation of the socio-biological needs of people not to be lonely (Vera, Misha); exalted feeling, gift, meaning of existence (Tatiana, Romka, Julia). The plot lines of the characters demonstrate that the choice of the model of relationships and understanding of love is due to various factors, among which the presence / absence of experience (positive or traumatic), personal values. An essential role in revealing the theme of love is played by references to classical world literature: to William Shakespeare's play «Romeo and Juliet», to Pushkin's novel «Eugene Onegin» and Leo Tolstoy's «Anna Karenina», and to Chekhov's works. Correlating yourself or others with the characters of literature, and your life - with the plots of works becomes a way of self-reflection and self-determination. G. Shcherbakova avoids edification, but invites readers to dialogue and self-determination. But, ultimately, as the most appropriate to the concept of happiness described by mutual love, which is not reduced to sexual attraction and social need in the family. The author proves the unproductiveness of both pragmatic and idealistic understanding of love: the first deprives the life of the spiritual dimension, the second - does not allow reconciling dreams with reality, realizing themselves. Finally, G. Shcherbakova, making the final of the story open (we do not know whether the hero survived or not), rejects the identification of love

and life peculiar to people at a young age (as modern Romeo and Juliet show). To find mutual love is a great success, but to keep it is everyday work, a greater feat than death (like Shakespearean lovers or Anna Karenina).

Key words: *teenage literature of the second half of the twentieth century, G. Shcherbakova, school novel, theme of love.*

References

1. Bondareva A. *Ot dobroy porody do Yashkinogo roda* [From the good breed to the Yashkin family] (in Russian). URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/6/b11.html> (accessed 26 November 2017).
2. Zhindeeva E. A., Nikolaeva E. A., Gromova A. U. Nравственные константы в изобразении Г. Шчербаковой: идейно-тематическое своеобразие [Moral constants in the image of G. Shcherbakova: ideological and thematic originality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 2012, no. 10 (in Russian). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye-konstanty-v-izobrazhenii-g-scherbakovoy-ideyno-tematicheskoe-svoeobrazie> (accessed 26 November 2017).
3. Degtyareva O. N. Motiv vospitaniya chuvstv v povestyakh G. N. Shcherbakovoy: k voprosu ob avtore-geroye-chitatele [The motive of the upbringing of feelings in the novels of G.N. Shcherbakova: to the question of the author-hero-reader]. *Pushkinskiye chteniya* [Pushkin's readings]. 2013, no. 18. (in Russian). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/motiv-vospitaniya-chuvstv-v-povestyah-g-n-scherbakovoy-k-voprosu-ob-avtore-geroye-chitatele> (accessed 26 November 2017).
4. *Vestsaydskaya istoriya: stat'ya v «Entsiklopediya kino»* [West Side Story: an article in the encyclopedia of cinema] (in Russian). URL: <http://www.km.ru/kino/encyclopedia/vestsaydskaya-istoriya> (accessed 26 November 2017).
5. Shcherbakova G. *Vam i ne snilos'. Povesti i rasskazy* [You would not even dream. Novels and stories]. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 176 p. (in Russian).
6. Pushkin A. S. *Evgeniy Onegin*. Tomsk, 1998. 382 p. (in Russian).
7. Arbuzov A. N. *Tanya; Zhestokiye igry: p'esy* [Tanya; Cruel games: plays]. Moscow, Detskaya literatura Publ., 2001. 168 p. (in Russian).

Tyryshkina K. V., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061). E-mail: velikaya_ksenia@mail.ru

Poleva E. A., Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061). E-mail: polevaca@sibmail.com